

ЛЕТОПИСЬ

1ой гвардейской
ТАНКОВОЙ
БРИГАДЫ

Воспоминания

командира танковой роты
гвардии старшего лейтенанта
Лехмана

Леонида Дмитриевича
о боях 1-й гвардейской
танковой бригады под Москвой

Воспоминания Лехмана Леонида Дмитриевича хранятся в музее 1-й гвардейской Краснознаменной танковой армии в ГБОУ «Лицей № 86» имени маршала бронетанковых войск Дважды Героя Советского Союза Михаила Ефимовича Катукова

Воспоминания гвардии старшего лейтенанта Лехмана Леонида Дмитриевича о боях Первой гвардейской танковой бригады

Родился я в семье рабочего в Запорожской области, Черниговского района, пос.Черниговка, 10 марта 1921 г.. В 1923 г. отец умер и моя мать, малограмотная женщина, с двумя классами церковно-приходской школы, воспитывала меня и сестру.

Детство протекало на улице. В 1928 г. я поступил в школу, в которой проучился до 1938 г. На протяжении школьных лет много было хорошего и плохого. Был заводилой общественных мероприятий: струнного оркестра, школьной газеты и др.

По своей натуре часто не соглашался с несправедливостью (как мне казалось) и поэтому частенько приходилось заходить к директору школы на объяснения. Как у всех сверстников были мечты.

По окончании 9 класса уехал в г. Орел в музыкальное училище, но мечтам не пришлось сбыться: международная обстановка (Хасан, Халхин-Гол, Финская война) заставили меня оставить музыку и поступить в Орловское бронетанковое училище, которое закончил 16 июня 1941 г. в звании лейтенанта танковых войск.

Получив отпуск, 17 июня прибыл домой, а 22 июня 1941 г. началась война. Так кончилась моя юность.

22/ VI-41г. я выехал в часть назначения г.Армавир в 202 танковую дивизию. А 20 июля 1941 г. наша дивизия вступила в бой под Ельней. В эти тяжелые для Родины и народа дни мы отходили на восток. И не имея материальной части, я попал в резерв Западного фронта, откуда в ноябре 1941 г. был направлен в 4 танковую бригаду полковника Катукова М.Е.

В бригаду я прибыл тогда, когда она отходила. Это было вечером. Обстановка для меня сложилась неблагоприятно, не доложив о своем прибытии комбригу, я должен был тоже отходить. Незнакомые ребята подхватили меня в машину и так я стал солдатом бригады.

Первое мое крещение в бригаде получил в роте легендарного командира Дмитрия Лавриненко, прославившего себя в боях под Орлом и на дальних подступах к столице нашей Родины - Москве.

Вспоминаю один эпизод. Командир роты Д. Лавриненко, получив задание овладеть важным опорным пунктом совхоза «Общественник», поставил нам задачу (а у нас было 3 танка, один тяжелый танк КВ, которым командовал Корсунь и три Т-34, командирами их были Лавриненко, Лехман, Капотов) овладеть совхозом «Общественник», а он занимал господствующую высоту. Собрав командиров машин,

Лавриненко поставил задачу: на скорости с огневой мощью ворваться в совхоз. Открыв огонь с пушек и пулеметов, мы ворвались в совхоз. Овладели совхозом без особой трудности, так как немцы успели отойти в лощину и открыли по нас из пушек и танков огонь.

Расположение наших танков было такое: справа находился мой танк, в центре КВ Корсуня, который принял на себя почти весь огонь немецких танков, так как он находился на открытой местности. Капотов был слева за совхозными строениями. Танк КВ Корсуня получил 56 прямых попаданий. Одним из снарядов заклинило башню. Водитель наводил орудие танком, поворачивая его на месте в разные стороны, ни отходя ни шагу назад. Мой танк тоже получил 16 попаданий, одним из которых был выведен прицел, но повреждение было несерьезным и мы продолжали вести огонь. Когда кончились у нас боеприпасы, мы вынуждены были отойти за высоту, и подъехавшие машины пополнили мой танк и Капотова боекомплектами. Танк КВ Корсуня продолжал поединок с немецкими танками с заклинившей пушкой. В это время танк Д. Лавриненко подъехал тоже на заправку боеприпасами.

Лавриненко позвал меня и Капотова и сказал: «Ваша задача принять огонь на себя, а я под прикрытием огня и метели обойду немцев по опушке справа».

Приказ командира роты выполнили. Мы открыли ураганный огонь по лощине, в которой были сосредоточены танки немцев и дали возможность танку Д.Лавриненко подойти на близкое расстояние и под шум боя уничтожить один за другим 9 вражеских танков. Остальные танки вынуждены были отойти. Таким образом, совхоз «Общественник» был нами освобожден.

После этого боя мой танк, получив серьезные повреждения, был отправлен на ремонтную базу. В дальнейшем я вернулся с ремонта в район Покровское под Волоколамском. С тяжелыми боями мы продвигались вперед. Я снова попал в роту ст.лейтенанта Лавриненко. В боях за д.Гряды, Чисмену, экипаж Лавриненко уничтожил много танков и живой силы.

Ворвавшись в Покровское рота ст.лейтенанта Д. Лавриненко огнем пушек и пулеметов, а также гусеницами уничтожала немцев. Но мы оторвались от главных сил бригады и немец всю артиллерийскую и танковую мощь сосредоточил на нашей роте. Выходя из этого положения, Д.Лавриненко отдал приказ атаковать д.Горюны, куда устремились немецкие танки и машины. В это время стали подходить главные силы бригады. Немцы, зажатые с двух сторон ротой Лавриненко и главными силами бригады, были разбиты. В этом бою был уничтожен

пятьдесят второй немецкий танк. Это последний танк, сбитый славным героем гвардии старшим лейтенантом Д. Лавриненко.

Но враг артиллерийским и минометным огнем продолжал обстреливать д.Горюны. Командир приданной танковой бригады вызвал через посыльного командира роты Лавриненко. Не обращая на минометный и артиллерийский огонь, Лавриненко выскочил из башни и направился к комбригу, но взрыв мины на дал возможности доложить о его прибытии. Дмитрий упал. После минометного налета я выскочил из машины и побежал к Лавриненко. Там уже был Соломянников. Дмитрий был мертв. Мы хотели найти рану на его теле, не веря в смерть, расстегнули полушубок, прослушали сердце, но оно молчало. И, тщательно осмотрев его, мы нашли на виске небольшую красную черточку... Это осколок вражеской мины поразил насмерть нашего лучшего друга, а моего командира роты.

О смерти Лавриненко было доложено комбригу, похоронили мы его о воинскими почестями в д.Горюны.

После смерти Д. Лавриненко я был назначен командиром роты. Рота состояла из четырех танков: моего, Жукова, Капотова и Тимофеева. Комбат Бурда приказал атаковать д.Давыдовское. В 8-00 мы ворвались с четырьмя танками в деревню, но немцы ночью отступили. Я решил атаковать д.Крючково, но немцы бежали и оттуда, затем направился в д.Котово, но там тоже не было немцев. Отсюда я послал донесение Бурде. От него получил приказание атаковать д.Ябедино и перерезать дорогу на Волоколамск.

Собрав командиров машин, я отдал распоряжение комбата об атаке д.Ябедино. По моему сигналу двинулись в атаку. Выскочив на опушку, увидел впереди мост и речку. Мы остановились, а вдруг мост мог быть заминирован. Посоветовавшись с ребятами, мы решили: будь что будет. Водителем был М. Соломянников. Я ему сказал:

«Михаил, давай жми, умирать так с музыкой».

Мой танк ворвался на мост и проскочил его. За мной в деревню ворвались танки Тимофеева, Капотова. Мост оказался не заминирован. Мы сходу открыли огонь по домам деревни, состоящей из двух рядов. Но эффекта никакого. Немцев тоже здесь не оказалось. Доехав до окраины села, я остановился. Постоял немного, затем вылез по пояс из танка. В одном из домов показался старик, я позвал его к себе и спросил, были ли здесь немцы. Он ответил, что немцы ушли минут 15-20 за бугор. Я закрыл люк и мой танк двинулся по направлению отступления немцев. Выскочив на бугор, я остановился и увидел такую картину: до батальона немцев в беспорядке отступали по болоту к лесу. Двигаться вперед было опасно - впереди болото, я открыл огонь из пулемета, но сделав три-

четыре выстрела, пулемет замолчал. Заклинило патроны и я отдал приказ радисту открыть огонь из его пулемета, сделав несколько коротких очередей, радист доложил, что у него пулемет тоже заело. Он начал устранять неисправность. Видя, что немцы уходят безнаказанно, я открыл огонь из пушки осколочными снарядами. Но произвел всего 8 выстрелов и часть немцев нашла себе могилу в снегах Подмосковья. Я еще дал 3-4 выстрела по лесу и прекратил огонь. Затем вернулся в село к своим танкам, отдал распоряжение выдвинуться к шоссе Москва-Волоколамск и оседлать его. Что и было сделано.

Мы расположились вдоль шоссе на расстоянии 50-70 метров друг от друга. С автоматчиком я послал комбату донесение о том, что шоссе перерезано, жду подхода главных сил. Расположение танков было следующее: я ближе к Истре, Тимофеев рядом, за ним Капотов. Простояв 20-30 минут, я увидел, что со стороны Истры движется штабной немецкий автобус с пушкой. Мы стояли за колхозными строениями и немцы нас не могли видеть. Подпустив автобус на близкое расстояние, я выстрелом из пушки разбил пушку, прицепленную к автобусу. Автобус свалился в кювет. Четыре немца, выскочив из автобуса, побежали по полю в направлении д.Ябедино. Снег был глубокий и им бежать было трудно, я развернул танк, направил его на удирающих немцев.

Капотов и Тимофеев, поняв мой маневр, двинулись в том же направлении. Трех немцев мы раздавили гусеницами наших танков, а четвертый зацепился сзади за сетку и как Соломянников не рвал рычаги, ничего не мог сделать, немец крепко держался, спасая свою жизнь. Когда танк подъехал к сараю, немец отцепился и побежал в сарай, но там были наши автоматчики. Я отдал распоряжение отвести пленного немца в штаб батальона.

Затем я вернулся к штабному автобусу, а Тимофееву и Капотову приказал занять прежнюю позицию и наблюдать за шоссе. Автобус был битком набит награбленным советским добром (одеяла, простыни, подушки, одежда, самовар, патефон и др.). И у меня созрел план - все это добро раздать жителям д.Ябедино. Зацепив автобус тросом, я приехал в село. Вылез из танка и увидел, что в центре села собрались оставшиеся жители. Они рассказывали как издавались над ними немцы.

В это время появились наши автоматчики с пленным немцем, и одна из жительниц села, не долго думая, выдернула из огорожи кол и принялась им бить немца. Ее примеру последовали другие. Моему экипажу с автоматчиками пришлось защищать немца, так как жители могли его убить, а нам нужен был язык. Полуживого немца отправили в штаб батальона.

Подошли главные силы и отступление немцев по шоссе Москва— Волоколаамск было отрезано. Немцам пришлось отступать по болотам, бездорожью, но не многим удалось убежать - они были уничтожены или взяты в плен.

Битва за Волоколаамск.

После Истры, в одном из боев, мой танк получил серьезные повреждения, и я вынужден был уехать на капитальный ремонт в Москву на завод «Серп и молот». Ровно тридцать первого декабря танки были отремонтированы и эшелон с этими танками в 16-00 отправился под Волоколаамск. Разгрузившись, прибыл сразу в мой батальон и с ходу получили боевое задание атаковать д.Ананьино. Но так как это было ночью, мне пришлось дожидаться рассвета и, получив в свое распоряжение танки Жукова и Тимофеева с автоматчиками, мы на скорости ворвались в д.Ананьино, открыв огонь с пушек и пулеметов. Как потом оказалось, в деревне был расположен саперный батальон. Немцы нас не ожидали, спокойно отдыхали. Но услышав артиллерийский и пулеметный огонь, выскочили из домов и бежали в лес. Но учитывая, что деревня окружена полем и глубоким снегом, им некуда было деваться и мы их расстреливали с пушек и пулеметов.

Бой был скоротечный. Не прошло и часа, как от саперного батальона остались одни трупы. Мы захватили богатые трофеи: до ста подвод с новогодними подарками. Среди них оказался ящик с «Железными крестами». Но вместо железных крестов фюрера, они получили кресты из русской березы. А ящик с крестами был передан в Политуправление Советской Армии в качестве трофеев.

Сделав последний выстрел, я вышел из танка и подошел к группе автоматчиков, которые рассматривали трофеи, вдруг слышу голос:

«Товарищ лейтенант! Вы смотрите, гады с собой даже гуталин возят»- показывая на рассыпавшиеся картонные коробочки. Я взял одну из них и прочитал «шоколад».

- «Да ведь это не гуталин, а шоколад»!- сказал я и мы разобрали его себе.

Отдав распоряжение автоматчикам оставаться с трофеями на месте, я с танками вернулся в расположение батальона, доложить о том, что деревня Ананьино освобождена.

Возвращаясь в д.Биркино, я ехал в голове колонны, за мной Тимофеев, а Жуков замыкающий. Когда я взобрался на высоту, по нас открыли огонь. Мой танк, набрав скорость, проскочил зону обстрела, скрылся в лощине, Тимофеев за мной. Танк Жукова попал под сильный артиллерийский обстрел. Танк остановился, мотор заглох, и задымил. Мы

подумали, что Жукова разобьют. Снаряды рвались справа и слева. Мы волновались за судьбу экипажа, но вдруг танк взревел своими мощными моторами, сорвался с места и двинулся к нам. Мы кричали им «Скорей, скорей!», но они нас не слышали. Проскочив зону обстрела, танк подъехал к нам. Мы выскочили из танка, обнимали своих друзей и были рады, что водитель сумел так быстро устранить неисправность. Мы снова были вместе.

Бой за Посадники.

На следующий день, 2 января 1942 г., комбат дал приказ овладеть д.Посадники. Мне был придан танк вновь прибывшего экипажа лейтенанта Бурлакова и пехота в качестве автоматчиков. Танки Жукова и Тимофеева требовали ремонта.

На рассвете, собрав экипажи и автоматчиков-пехотинцев (это был приписной состав), я поставил задачу: с хода ворваться в деревню, обстрелять дома и захватить ее. По сигналу ракеты мой танк и танк Бурлакова с автоматчиками на полной скорости двинулись на деревню. Но перед деревней был крутой овраг, который танки не могли преодолеть. Поднимаясь, мы скатывались юзом назад. Пехота соскочила с танков в овраге и в деревню не вошла. После нескольких попыток, мы заехали в деревню, и оказались в тылу расположения немецких частей. Пушки и танки были направлены в противоположную сторону. Ворвавшись в деревню, я сбил пушку, стоявшую на пути. Чуть проехав, водитель доложил: «Лейтенант, впереди мощная пушка, иду на таран».

Я сказал: «Давай!» - и постарался отвести свою пушку. Водитель Жуков на скорости таранил пушку, которая стояла на 4 колесах, я не успел схватиться за штурвал поворотно-подъемного механизма и рассек бровь. Кровь потекла на одежду. Зато пушка была свалена. Отъехав назад, мы открыли огонь и двинулись вдоль деревни. Немцы выскакивали из домов и бежали, как ошпаренные.

Вдруг слышу, докладывает Жуков, что за домом стоит немецкий танк. «Короткая остановка, бронбойным заряжай!» Навожу перекрестье прицела, выстрел - немецкий танк горит.

Отъехав немного, увидел второй немецкий танк справа. Дал команду: «Стой!» Еще одним выстрелом уничтожили второй немецкий танк. Мы двинулись вдоль деревни дальше, и не заметили стоявшего за домом немецкого танка, который развернул пушку на 180 градусов и выстрелил в мой танк. Снаряд попал между ленивцем и первым поддерживающим колесом, разбил левый фрикцион, перебил ноги водителя и ранил радиста-стрелка. В танке потухло освещение. Танк остановился.

«Башенный, садись за рычаги!» - он отвечает: «Товарищ лейтенант, я не танкист, а только артиллерист».

Накануне боя, ввиду ранения башенного стрелка, нам дали в экипаж не танкиста, а артиллериста, который знал пушку, но не знал танк. Нужно было самому садиться за рычаг. С трудом перетащил водителя в башню, оказал ему первую помощь: наложил жгуты на ноги и ножницами перерезал сухожилие, на которых держались конечности. Сел на место водителя за оставшийся в целости рычаг, и решил ехать к своим. Но повернуть влево не было возможности из-за отсутствия левого рычага.

Я поворачиваюсь на 360 градусов, но, не рассчитав, наехал на дом и воткнулся в него пушкой. Танк заглох, я пытался завести его, но ничего не выходило. Мои попытки устранить неисправность ни к чему не привели, а время шло.

За это истекшее время немцы и финны увидели недвижимый мой танк (второй танк метрах в 200 от меня тоже заглох), осмелели начали приближаться с криками:

«Рус, сдавайся!»

В танке было темно, и для того чтобы пользоваться хотя бы дневным светом, пришлось приоткрыть передний люк водителя. Башенному стрелку дал два нагана и приказал следить через башню, чтобы немцы не подошли близко. Через некоторое время башенный увидел бегущих немцев с охапками соломы и с гранатами в руках. Мне пришлось мгновенно закрыть люк, в это время раздался взрыв.

Водителю Жукову становилось все хуже и хуже, а завести танк я так и не мог. Положение казалось критическим. В это время работал мозг, неужели все... Сдаться в плен?.. Нет, невозможно. У меня в танке около 200 немецких крестов. Если бы это немцы увидели, нам несдобровать. Последняя мысль - застрелиться. Но нет! Бороться и во что бы ни стало выжить!

«Ребята, что будем делать?»

Обессиленный, истекавший кровью Жуков, подсказал:

- «Леонид, есть аварийный воздух, поверни кран, открой баллон». А нужно было сделать наоборот: открыть баллон, повернуть кран и завести мотор. Мне никогда не приходилось заводить танк воздухом. Так как танк заглох на скорости, нужно было выжать сцепление, а баллон находился впереди. Так прошло еще немного времени. Собрав последние усилия, я дотянулся до баллона, открыл его и танк завелся. Включив задний ход, отъехал от дома и направился вдоль деревни. Выехав за деревню, направился к своим. По нашему танку немецкий танк открыл огонь. Один из снарядов попал в гусеницу и наш танк свалился в овраг, распластав гусеницу наверху оврага и остановился.

Я посмотрел на Жукова - он был уже мертв, мы с башнером вылезли с танка, вытащили раненого радиста и положили на плащ-палатку. У

мертвого Жукова забрал документы, партбилет и оружие, а радиста поволокли на плащ-палатке. В это время где-то разорвалась мина и осколком ранило башнера. Двигаясь по оврагу, мы увидели людей в масках-халатах, направивших на нас оружие. Мы подумали, что это немцы, но подойдя ближе увидели, что это наша пехота. Прибыв в свой батальон, отправив радиста и башнера в госпиталь, доложил о случившемся.

На следующий день, получив подкрепление в танках и пехоте, мы повторили атаку на д.Посадники и к середине дня Посадники были взяты. В деревне немцы оставили 2 танка, сбитых мною вчера и 8 пушек. В метрах 150-200 от домов стоял сгоревший танк лейтенанта Бурлакова. В обгоревшей одежде лейтенанта мы нашли чудом уцелевшую часть письма к сестре. Обнажив головы, перед телами сгоревших друзей, мы поклялись отомстить врагу.

Психическая атака.

В дальнейшем моей роте пришлось участвовать в боях за деревню... (названия не помню). Наша пехота, захватив эту деревню, не могла закрепиться в ней.

Командир батальона приказал моей роте зайти в деревню и помочь пехоте. Наступила ночь. Танки нужно было заправить боеприпасами и горючим. Так как был глубокий снег, обслуживающие машины подъехать к нам не могли. Выручила солдатская находчивость: наши пехотинцы дали сани и лошадь и в течение ночи экипажи привели танки в полную боевую готовность. К утру уставшие экипажи заснули в танках. Заснул и я. Прибегает посыльный от командира стрелковой бригады и спрашивает кто старший из танкистов и что его вызывают в штаб. Когда я прибыл в штаб, мне сообщили о том, что немцы идут на село психической атакой. Я увидел ряды немецких цепей, с оружием в руках, в немом молчании,двигающихся по глубокому снегу к деревне. Подбежав и разбудив танкистов, я приказал:

«Подпустить немцев на середину поля и по моей команде открыть огонь со всех видов оружия».

Выждав, мы открыли ураганный огонь. Немцам удирать было некуда - и до леса и до села было далеко. Разбив немецкие цепи, наши танки выскочили на поле и начали гусеницами давить немцев. Не прошло и получаса, как до 300 фрицев усеяли поле. Только несколько человек взяли в плен. Как выяснилось потом, немцы не знали, что в селе находятся русские танки и пехота.

Вернувшись в село, в штаб стрелковой бригады, я доложил о том, что до батальона немцев уничтожено, а несколько пленных стоят на улице. Командир стрелковой бригады поблагодарил танкистов за оказанную помощь пехотинцам.

После этого прибыл посыльный от комбата танкового батальона с приказом переправиться на другую сторону речушки и захватить совместно с приданными еще тремя танками деревню. Как перебрались через речушку, описано комиссаром танкового полка Комловым Я.Я. в газете «Известия» «Домик на берегу» (если не ошибаюсь).

Перебравшись на другую сторону реки, танки направились на деревню (не помню названия), но вдруг я увидел сигнал остановки. Мы остановились. Мне сообщила, что меня вызывает командир полка. Передав командование танками командиру идущего за мной танка, приказал медленно двигаться по направлению в лес. Сам направился в штаб полка, где уточнил порядок наступления и получил разрешение на атаку этой деревни. Я направился к танкам и вдруг услышал взрыв. Мне пришлось побежать к своему танку, чтобы догнать ушедшие вперед танки и узнать, что случилось.

Впереди вся колонна танков остановилась. Я вылез из танка, подошел ближе к головному танку и увидел страшную картину. Первый танк наехал на ряд мин и был полностью взорван. Экипаж погиб. Но приказ должен быть выполнен. Нужны были саперы, но их не было, а время не ждало. Я решил сам разминировать дорогу для танков. Когда я прошел немного вперед, то увидел свеженасыпанный снег и стал руками разгребать его. Увидел круглые немецкие мины. Я их вытаскивал и складывал в стороне. Так я разминировал 6 рядов, в каждом по 30 мин. Счастье мое в том, что ни в одном ряду, ни в одной мине не было поставлено противопехотного взрывателя.

Путь танкам был свободен. Прихватив автоматчиков, мы на полной скорости ворвались в деревню...

Константин Михайлович Самохин

Еще одним ярким воспоминанием в моей жизни был бой за Петушки.

Одним из тех, кто со славой отдал свою жизнь за Родину, был Константин Михайлович Самохин. С ним я познакомился в октябре 1941 г. и в общей сложности мы знали друг друга непродолжительное время, но на фронте люди познаются быстрее. О Константине Михайловиче можно сказать только хорошее. Это был большой души человек, с виду хладнокровный, но активный и быстро реагирующий на все события нашей боевой жизни. По храбрости он был вторым после Лавриненко. Оба они проявили себя героями, оба отдали жизнь за победу и я полностью разделяю мнение товарищей о том, что их подвиги будут служить ярким примером отваги и беззаветной преданности Отчизне.

Вспоминаются один – два особо выдающихся эпизода из боевой жизни гвардии капитана Самохина Константина Михайловича.

Это было в декабре 1941 г. Немцы подошли близко к Москве. Бригада вела оборонительные бои. Наши танки находились в лесу в районе Гучково (ныне ст.Дедовск). В одной из засад находился и Константин Михайлович. К вечеру бригада отошла на новый рубеж, а танк Самохина остался на старом рубеже, так как в танке не было радиации и ему не было известно об отходе всей бригады. На рассвете танкисты экипажа Самохина услышали шум, лязг гусениц, гудки автомашин, а когда совсем рассвело Константин Михайлович рассмотрел, что приблизительно в километре от его танка, в небольшом поселке, находится до 60 танков и около 200 машин. Это были немцы, которые готовились к последнему наступлению на Москву. Не имея связи с бригадой, Самохин принимает смелое решение: принять бой и этим возвестить о себе и о скоплении танков в районе поселка.

Становясь в засаду, обычно все экипажи брали увеличенный запас боеприпасов, так и в машине Самохина находилось до 114 снарядов. Приняв решение, он первым снарядом зажег головной танк в начале поселка, вторым снарядом зажег последний в колонне. Немцы заметались внутри поселка, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад. Воспользовавшись их замешательством, Константин Михайлович начал посылать один за другим снаряды во вражеские танки и машины. В поселке возникло много пожаров, что увеличило панику среди немцев.

В это время мы получили приказ о наступлении на поселок. Когда мы подошли к поселку, немцы уже бежали, оставив в поселке 39 танков, около 130 разбитых и целых машин, около 12 тяжелых пушек и много убитых солдат и офицеров. Это была скромная работа Самохина и его экипажа. Не буду вникать в то, какую надо было иметь силу воли и мужество, чтобы, не имея связи с бригадой и не зная, успеют ли тебе помочь товарищи, завязывать бой с противником, превосходящим тебя в силах более чем в 50 раз и выйти из этого боя победителем. Человек, совершивший такой подвиг, достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Не знаю, можно ли связывать эту победу с началом успешного наступления наших войск под Москвой, но мне лично кажется, что этот бой был поворотным пунктом на нашем участке фронта. Немцы отступили здесь и началось общее отступление немецких войск под Москвой.

Много провел после этого Самохин новых боев, много проявил мужества и отваги при взятии Чисмены, Истры, Волоколамска, Лудиной Горы, Крюково и других населенных пунктов. Пушкой и гусеницами его танка было уничтожено множество тягачей, автомашин, танков, пушек и живой силы противника,- обо всем этом хорошо написано в книге «1-я Гвардейская танковая бригада в боях за Москву» Лившица Я.Л.

Еще один эпизод, который не написан в книге. Это было в феврале 1942 года. Танковая бригада с боями уже прошла всю Московскую область и вышла на рубеж Смоленской. Деревня Петушки была первой деревней Смоленской области. Насчитывала она всего восемьдесят домов, но находилась на выгодном для противника рубеже и немецкое командование поставило задачу во что бы то ни стало задержаться на этом рубеже. Сюда было подтянуто много танков и артиллерии различных видов. Немцы боялись нашей бригады как «черт ладана». Почему? Потому, что мы их всегда били и били жестоко при любых условиях. Один против двух, десяти, сорока и даже против 60, как я описал выше. Поэтому бывало как только они почувствуют, что на участке появилась наша бригада - сразу стягивают в это место всю артиллерию и танки. Так и в районе Петушков противник стянул все. Я находился в первом танковом батальоне, которым командовал капитан Гусев. Самохин командовал в это время вторым танковым батальоном. Временно мои три танка были приданы для усиления батальона Гвардии капитана Самохина.

В атаку на деревню Петушки мы вышли рано на рассвете. Только вышли из леса на открытое место, как тотчас по нашим танкам был открыт ураганный огонь из тяжелой артиллерии и противотанковых орудий. Вскоре один из танков был подожжен. Затем в танк Гвардии капитана Самохина попал снаряд большого калибра и сорвал башню, отбросив ее на несколько метров в сторону. Интенсивный огонь противника вынудил нас временно отойти на исходную позицию. Вернувшись, мы не досчитались одного танка и один танк пришел без башни и не только без нее, но и без капитана Самохина. Мы решили, что его убило в момент взрыва. Жалко было хорошего товарища и храброго командира. Но, к счастью, наше горе оказалось напрасным. Как выяснилось, на самом деле Самохин не был убит, он был выброшен взрывной волной вместе с башней. Его оглушило и он потерял сознание. Долго лежал в снегу на нейтральной линии. Мы пытались подобраться к башне танка Самохина, но мешал этому сильный огонь противника. Пришлось отложить наше намерение до темноты. Но только мы с наступлением темноты собрались ползти к башне, как появился сам Константин Михайлович. Он приполз по следам гусениц своего же танка.

Гвардии капитан Самохин очень плохо слышал, так как был сильно оглушен. Но будучи контуженым, он отказался идти в санчасть, а снова встал во главе вверенного ему батальона.

Через день мне пришлось расстаться с Константином Михайловичем. Он ушел в бой за деревню Аржаники, а я со своими взводом остался у деревни Петушки. В этот же день я услышал о том, что Гвардии капитан Самохин участвовал в атаке и его танк был подожжен и он погиб смертью героя, не покидая своего танка.

Так оборвалась замечательная жизнь одного из героев 1-ой Гвардейской танковой бригады, лучшего друга, замечательного товарища, храброго воина.

Бой за Ветрово.

Начало 1942 года. Первые успехи наших войск под Москвой. Танков было мало и каждый танк ценился на вес золота. У поселка Ветрово 1-я Гвардейская танковая бригада воевала со славными конниками генерала Белова. В наступлении на Ветрово мы поддерживали корпус Белова, но так как в бригаде танков было мало, то танки выполняли роль закрепляющих позиции.

И вот вспоминаю: несколько дней мы находились в лесу под поселком Ветрово. В один из дней мне доложили, что к нам идут 2 генерала. Я вышел навстречу. Впереди шел высокий мужчина, в очках, с красным носом, который сразу вызвал во мне антипатию. Не поздоровавшись, он грубо спросил: «Вы командир?» - я ответил: «Да?»-

- «А Вы знаете, где находитесь?»

Я ответил, что да, так как мы несколько суток находимся здесь.

- «Покажите на карте!»

Сориентировавшись, я показал точку на карте. Ничего не оказав, генерал повернулся и ушел. Я не знал, кто это.

Второго генерала я узнал - это был наш «Батя» — Михаил Ефимович Катукоев. Он поздоровался за руку, спросил, как идут дела. Я ответил, что на одном из трех танков меняют коробку перемены передач. А это делается под носом у врага.

После моего доклада, я попросил у генерала разрешения закурить. Он разрешил. Я вынул подаренный кисет с самосадом и стал крутить «козью ножку». Генерал наблюдал за мной. Сам он не курил, затем вынул из нагрудного кармана красивую трубку, подаренную ему алтайскими рабочими, он сказал: «На, возьми, я все равно не курю!»

Я поблагодарил генерала, зная его любовь к оружию, я решил сделать и ему подарок.

...В одном из беев я у убитого немецкого офицера забрал маленький красивый шести-зарядный браунинг в лакированной кобуре. Он был очень изящный и держать его приходилось двумя пальцами. Но охотников на красивый браунинг было много, я хранил его под ватными брюками...

И сейчас, попросив разрешения отвернуться и расстегнуть брюки, я вытащил браунинг. Этот браунинг я подарил генералу. Он поблагодарил.

Так я в 20 лет стал курить трубку генерала.

Иллюстрации

Лехман Л. Д.

Рафтопулло А.А. со знаменем 1 гв.тбр

Начальник политотдела Деревянкин вручает партбилет гвардейцу Лехману

Танкист-гвардеец старший лейтенант Лавриненко Д. Ф.

Наступление пехоты поддерживают танки. Прорыв танков закрепляет пехота.
Быстроходный танк легко преодолевает пересеченную местность. Он используется в современной войне и для переброски пехоты.

За боевые подвиги смелый сержант награжден орденом Ленина.
Отправляясь в бой, советский воин пишет заявление о приеме в ряды ВКП(б).

Танкист 1 гв. тбр Соломянников

**КАВАЛЕР
ОРДЕНА
ЛЕНИНА**

САМОХИН К. М.

ГВАРДИЯ

НА УЧАСТИИ СТРАШНОГО БИТВА
ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА ТУШИНСКИ
КАРЬЕРА ВОЗДУШНОГО
СЛАВА
РОДИНЫ

Капотов Николай

Вот что осталось от фашистской колонны

